

Вадим Панов

Аттракцион Безнадега

*Часть сборника
Красная машина, черный
пистолет (сборник)*

Вадим Юрьевич Панов

Аттракцион Безнадега

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633402
Красная машина, черный пистолет: Э; Москва; 2015*

Аннотация

«В старых инструкциях писали, что при повышенном уровне радиации ни в коем случае нельзя курить. Мол, табак вытягивает из почвы кучу канцерогенного дерьма, которое плюсуется к гребаному облучению, что шпарит от каждого камня, и все вместе способно вызвать в недрах моих кишок опа-асную болезнь... Шутники, чтоб их всех на атомы разложило...»

Вадим Панов

Аттракцион Безнадега

«В старых инструкциях писали, что при повышенном уровне радиации ни в коем случае нельзя курить. Мол, табак вытягивает из почвы кучу канцерогенного дерьма, которое плюсуется к гребаному облучению, что шпарит от каждого камня, и все вместе способно вызвать в недрах моих кишок опа-асную болезнь...

Шутники, чтоб их всех на атомы разложило...

Покажите мне настолько опа-асную заразу, что она способна прикончить раньше «химии», «кислоты», агрессивных биологических примесей, пули, огнемета, ножа или отсутствия жратвы. Оценили шутку? Гребаная болезнь может меня убить... Только для этого ей придется встать в гребаную очередь, и, скорее всего, ее затолкают в самый хвост...

Курить нельзя...

После Времени Света никто из моих друзей не бросил. Из выживших друзей, разумеется, потому что сторевшие не в счет. А если кто и бросил, то только потому, что не смог достать сигарет и отвык: вместо табака народ стал сеять съедобное и только съедобное, и планета больше года жила на старых запасах курева. Потом фермеры опомнились, сообразили, за что люди готовы сбрасывать радиотаблы в диких количествах, и в кисетах появился свежий, безумно до-

рогой и круто канцерогенный табачок. А поскольку с бумагой теперь еще хуже, чем с табаком, приходится пользоваться трубку.

Но лучше так, чем совсем без курева...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Если табаку повезет, в графе «причина смерти» у Визиря появится отметка: «выхаркал легкие с кровью, спасибо пагубной привычке», однако сегодня именно курево спасло комби от неминуемой смерти. Почему? Потому что «баскервили» ненавидят табачный дым – есть у них такая особенность, а нервничающие «баскервили» не способны похвастаться должной выдержкой. А выдержка в Зандре важна не меньше хорошо развитой внимательности, мгновенной реакции и умению метко стрелять. В общем...

В общем, когда Гарик заприметил фургон, уткнувшийся в коричневый, наполовину обросший пятнами медузы валун, он сбросил скорость и внимательно огляделся, стараясь не упустить ни одной детали.

Никого.

И ничего подозрительного. Ни движения. Ни шумного дыхания. Ни шуршания...

Встроенный в комби тепловизор отчитался, что за камнями слева и в двух небольших оврагах справа – в наиболее удобных для засады местах – живые существа отсутствуют, а вот в кузове фургона их минимум пять. Лежат смирно, дышат, молчат, идентифицировать не удастся, потому что из-

нутри фургон обшит какой-то отражающей дрянью, к счастью, слегка протершейся...

Раненые?

Нет, фургон не разбился, а мягко ткнулся в валун – это видно по следам и повреждениям, – раненых быть не должно, во всяком случае таких, которые не смогли бы выбраться из машины.

Рабы? Пленные?

Вот это уже ближе к делу, учитывая, что до аттракциона примерно десять километров, а торговля живым товаром в Веселом Котле хоть и не цветет, но вполне допустима. Рабы же наверняка скованы, вот и остались в кузове, но... Но фургон не был похож на машину «папаш»: никакой защиты, кроме слабого бронирования и усиленного стекла, единственный пулемет – на корме, и никакого сопровождения. А работоторговцы никогда не действуют в одиночку.

– Занятно... – Визирь объехал находку по кругу, но не обнаружил ничего интересного, кроме уткнувшегося в руль водителя. После чего остановил багги напротив дверей фургона и раскурил «младшую» – на пять затяжек – трубку.

Итак: за рулем покойник, внутри неизвестно кто, признаков засады нет, признаков нападения нет: лобовое стекло цело, фары целы, колеса целы... Что могло приключиться? Внезапная смерть водителя? Скорее всего. Но возникает вопрос: почему его спутники предпочитают медленно тушиться внутри разогретого фургона, вместо того чтобы сесть

за руль и продолжить движение? И если там рабы, то почему они не кричат? Двигатель багги работает тихо, но сидящие в фургоне люди должны были его услышать, поскольку в Зандре любой звук кажется громоподобным.

А они не слышали.

И сами не издали ни писка: обостренные чувства комби способны уловить малейший звук, но из фургона доносилось лишь приглушенное дыхание.

Что косвенно указывало на связанных рабов.

Визирь почти собрался подойти и заглянуть внутрь. Решил: докурю и пойду, но у «баскервилей», к счастью, не выдержали нервы, и они бросились в атаку раньше, чем Гарик сделал пятую затяжку.

Бросились молча – «баскервили» не лают, бросились резко – реакция у «баскервилей» дичайшая, муху на лету ловят, бросились быстро – тридцать метров до багги они готовы были сожрать за доли секунды, но...

Но в багги сидел не юнец безусый и не слабак, а много чего повидавший и ко всему готовый комби. И потому едва распахнулись металлические дверцы фургона, как трубка упала разведчику под ноги, правая рука легла на руль, нога – пока еще едва-едва, ласково – коснулась педали ускорителя, а в левой руке Визиря появился «Маузер РХ», тут же вздрогнувший выстрелами. Голова первой твари лопнула, как перезревшая тыква-пиявка – пуля влетела ей в глаз. Но второй «баскервиль» успел пригнуться, и предназначавшийся

ему раскаленный кусочек металла прошел по касательной, не причинив особого вреда усиленной лобной кости твари.

Только кожу поцарапал.

«Баскервили» – видоизмененные лабораторией K9000 собаки – страшны и сами по себе, но особенно неприятны в стае. Они умны, хорошо дрессированы и знают, как добраться до добычи. Готовы выжидать, готовы атаковать, а эти – немыслимое дело! – готовы были печься в раскаленном фургоне.

«Похоже, егеря стали делать тварей по улучшенной методике...»

Впрочем, эта мысль посетила Гарика много позже, а тогда он плавно надавил на акселератор, уводя багги от жаждущих обеда псов.

«Четыре «баскервиля», чтоб их на атомы разложило...»

Что делать? Самое простое – прибавить еще и уехать в безопасную даль, продолжив путь в аттракцион Железной Девы, поскольку на длинных дистанциях и высокой скорости «баскервилям» за багги не угнаться. Однако Визирь уже настроился обыскать фургон и потому сильно не разгонялся, не оставляя стаю слишком далеко позади, и заложил широкую дугу, внимательно следя за тем, чтобы на пути не оказался валун.

Тактика сработала: один из «баскервилей», то ли самый сильный, то ли самый тупой, то ли и то, и другое одновременно, вырвался вперед в надежде первым добраться до шуст-

рой добычи и схлопотал пулю в грудь. Покатился, роняя в пыль капли крови, заскулил и больше не поднялся – «РХ» только выглядит несерьезно, а пули разгоняет так, что иная винтовка позавидует.

«Осталось трое».

Которые, увидев, что произошло с шустрым собратом, внезапно остановились, недовольно наблюдая за пылящим багги. «Баскервили» готовы были признать поражение и отпустить разведчика на все четыре стороны, однако такое развитие событий комби не устраивало. Гарик остановил машину, быстро выхватил и вскинул винтовку и... и разочарованно цокнул языком: увидев длинноствольное оружие, хитрые собаки бросились за камни.

– Суки!

Или кобели – не важно. Сейчас имеет значение лишь то, что подлые твари поняли, с чем имеют дело, и укрылись.

Ситуация зашла в тупик.

Рассудок подсказывал, что нужно плюнуть и уехать, но в этот момент жадность была неожиданно поддержана гордостью: «Я что, не смогу справиться с тремя шавками?!» – и Визирь продолжил игру.

Он убрал винтовку, вновь взял в левую руку «маузер» и направил багги к фургону. «Баскервили» не появлялись. Если и следили за перемещениями Гарика, то очень осторожно, ухитряясь укрыться даже от опытного взгляда разведчика, и с места, как показывал тепловизор, не двигались.

Комби остановил машину у распахнутых дверей, вышел, заглянул внутрь...

Хотел заглянуть!

Шестая тварь метнулась в тот самый миг, когда комби потянул левую дверцу. Бросилась, словно запустила себя из катапульты, врезалась в дверцу, ударила ею Гарика, опрокинув разведчика на землю, на мгновение задержалась – Визирь успел пнуть створку обратно, – снова бросилась, но лежащий на спине комби трижды выстрелил из «РХ». Пули разорвали «баскервилю» грудь, но тварь сумела упасть на Визиря, придавив его стокилограммовой тушей.

– Дерьмо!

У носа клацнули челюсти – умирающая собака продолжала бороться, – а ей на помощь, молча поднимая клубы пыли, со всех лап мчались родственницы... сестры по пробирке...

Дерьмо.

Гарик щелкнул пальцами – из правого накладного киберпротеза выскочил клинок, – вонзил его в песий глаз, рывком откинул окончательно обмякшую тушу, вскочил на колено... И тут же бросился в сторону – прыгнувшего «баскервиля» из пистолета не остановишь.

Псина врезалась мордой в борт, взвыла, а прокатившийся по земле Визирь хладнокровно расстрелял ее товарку. А затем машинально – уловил боковым зрением движение – выставил правую руку, поймав третью псину на клинок. Остановил в сантиметрах от себя, не дав порвать в клочья,

чуть поднял руку, не позволяя извивающейся твари соскочить с ножа, двумя выстрелами в голову успокоил прыгунью и лишь после этого хладнокровно добил последнюю тварь.

Отдышался, оглядел заляпанную кровью одежду, вытер песком руки, достал из багги тряпочку, протер клинок, спрятал его, почистил и вернул в кобуру «маузер» и лишь после этого заглянул в фургон.

И сплюнул.

Добыча оказалась жалкой: трехлитровая фляга с водой, две банки питательных уколов для «баскервилей», – но и то, и другое перекочевало в багажник багги.

И только затем Визирь подошел к кабине. Он уже знал, кого увидит: чертова зоолога, чтоб его на атомы разложило, который клонировал стаю «баскервилей», повез заказчику, да сдох по дороге, превратив фургон в засаду...

Так и есть – егерь: на рукаве уткнувшегося в руль водителя красовалась нашивка K9000.

– Почему помер? А-а... Понятно... – Гарик увидел под ногами мертвеца блестящую «пудреницу» – вертикальный дозатор, в который заливали вызывающий галлюцинации раствор синей розы.

Один пшик в час считался нормальной, не мешающей жить дозой, но, даже перебрав, егерь бы не умер, а сидел сейчас и хихикал, пуская слюни и воображая себя посетителем Атомного Вегаса. Но парень мертв, следов насилия нет, а значит, у него банально не выдержало сердце: синяя роза

угнетала его сильнее, чем мозг.

– Тебе повезло, – хмыкнул Визирь. – Ты помер спокойно, с улыбкой на губах. Прощай.

После чего вывернул у мертвеца карманы, забрал походный контейнер с тремя радиотабломи, пять золотых монет зигенской чеканки, литровую флягу с водой – полупустую, короткоствольный автомат «Хук» и три десятка патронов к нему.

Выбрался, уселся на камень, покурил, задумчиво разглядывая фургон и его мертвого владельца, выбил трубку и приступил к похоронам.

* * *

Время Света переломало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города в вулканы, а горы – в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди жили сами по себе, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Защищенными от любых неприятностей: и от плохих дорог, и от плохих людей.

И караваны дали надежду.

Там, где есть люди, должна быть торговля, это аксиома. Потому что кто-то производит в избытке еду, где-то скопилось много топлива, в третьем городе хорошие патроны

или лекарства – и только торговцы способны связать производителей между собой. И торговцы вернулись. Сначала как топтуны, пешком путешествующие между ближайшими поселками, а потом – как гильдеры, объединенные в постепенно растущую Гильдию Коммерческой Взаимопомощи. И именно их бронекараваны, случалось, пробивали континенты от моря до моря, во имя прибыли связывая друг с другом новые города и новые страны, возрождая надежду на то, что рано или поздно свихнувшийся мир вернется к прежнему, нормальному облику...

Гильдеры торговали, дрались, погибали, но упрямо шли вперед.

Обычный бронекараван состоял из трех-пяти тщательно защищенных мегатраков – мегов, – способных без труда пройти по плоскому Зандру и даже форсировать небольшие реки. В горы же, то есть в вертикальный Зандр, торговцы сошались редко, и только по известным, заранее разведанным дорогам. На мегатраки ставили башни с тяжелыми пулеметами или автоматическими пушками, способными вдребезги разбить даже БТР последнего поколения. Танку, разумеется, мегатрак противостоять не мог, но мало какой караван уходил в путь без ракетных комплексов... Другими словами, торговцы могли защитить свои вложения.

Меги, собственно, и были самим караваном: в них ехали люди, в них везли основной груз. Иногда, с милостивого разрешения баши, за караваном пристраивались грузовики

свободных торговцев, но они путешествовали на свой страх и риск: случись что, их не защищали и не ждали, поскольку караван – это мегатраки и только мегатраки, вокруг которых сновали машины разведки и мобильной защиты: мотоциклы, багги и броневики.

Девяносто процентов странствующих по Зандру мегов было построено еще до Времени Света, гильдеры их только бронировали и вооружили. Все они оснащались системами кондиционирования, однако экономные торговцы крайне редко пользовались благами цивилизации, и потому во внутренних отсеках огромных машин царила жуткая духота, украшенная толкотней, чужими разговорами, звучащими прямо над твоим ухом, и вонью давно не мытых тел, не исчезающей несмотря на распахнутые люки и дверцы.

Но такова была плата за безопасность.

И именно внутри головного, пассажирского мегавестовой отыскал еще не старого – лет пятидесяти, не больше, – абсолютно седого мужчину, одетого в серые штаны-карго, высокие ботинки и грязноватую зеленую рубашку с закатанными рукавами. Правую руку седого усиливал накладной киберпротез, гораздо меньшего, чем требовалось, размера, однако внимание на это несоответствие никто не обращал: после Времени Света с медицинским оборудованием стало туго, и люди пользовали то, что удавалось отыскать.

Мужчина занимал место у иллюминатора, что говорило

о его привилегированном статусе, и коротал время за чтением настолько потрепанной книги, что она казалась призраком самой себя. И это занятие также подтверждало, что седой стоит на ступеньку выше обычных пассажиров меча, предпочитавших спать, ругаться или раскидывать карты.

– Господин Тредер! – Обычно посланец хозяина вел себя куда свободнее, к пассажирам обращался исключительно на «ты», чтобы не привыкли, сволочи, к приличному обхождению, однако с седым следовало вести себя осмотрительно.

– Да?

– Вас хочет видеть баши.

Больше вестовой ничего не добавил, поскольку каждому пассажиру или служащему – даже привилегированному – было ясно, что раз баши зовет, то это важно, срочно и отказаться ни в коем случае нельзя. Поэтому седой немедленно поднялся, спрятал книгу в карман рюкзака и кивнул сидевшей напротив девушке:

– Жди здесь.

Она никак не отреагировала, продолжила смотреть в распахнутый иллюминатор, но Тредер и не ждал ответа и, кивнув, сразу же повернулся к вестовому:

– Я готов.

И они пошли по узкому коридору к голове мегатрака, к его командирской половине, отделенной от пассажирской зоны бронированной перегородкой, дверь которой запиралась изнутри. Вестовой остановился у «глазка», назвался, со-

обшил, кого сопровождает, после чего замок щелкнул, тяжелая дверь приоткрылась, и Тредер, сопровождаемый пристальными взглядами двух вооруженных охранников, медленно прошагал в кабину мимо жилых отсеков первой команды.

Вестовой важно указывал путь.

Мегатраки бронекаравана Мухаммеда Энгельса были построены на базе атомоходов «БелАЗ Каракум», которые до войны таскали грузы по пустыням и потому прекрасно чувствовали себя в Зандре. Кабина «Эйнштейна» располагалась на двадцатиметровой высоте и была настоящим капитанским мостиком площадью в тридцать квадратных метров. Здесь находились рулевой, связист, баши и операторы внутренней сети, управляющие машиной и автоматическим оружием. Прямо под кабиной располагался силовой блок атомохода, однако команду это обстоятельство не смущало: реактор был надежно защищен таранным ножом по носу, массивными цельными колесами и мощной броней корпуса.

– Хаким!

– Примите мое почтение, уважаемый баши. – Тредер склонил голову. – Для меня большая честь быть призванным вами.

– Ты по-прежнему вежлив.

– Воспитан.

– Разумеется.

Мухаммед Энгельс встретил пассажира хоть и дружеским

восклицанием, но даже не обозначил движения подняться с капитанского кресла. Протянул руку, позволив ее пожать, выслушал все полагающиеся словеса, после чего небрежно указал на лобовое стекло:

– Аттракцион Железной Девы.

И умолк.

Седой обернулся и прищурился на показавшуюся вдали колокольню. Он знал, что бронекараван минут десять как взобрался на плато Кирпичи, тогда же понял, что цель близка, но все равно продемонстрировал эмоции:

– Наконец-то! – и шумно выдохнул: – Добрался.

– Здесь наши пути разойдутся.

– Да. – Тредер поклонился: – Благодарю за все, что вы сделали для меня, уважаемый баши. Только в вашем караване я мог чувствовать себя по-настоящему спокойно.

– Другие караваны сюда не ходят. – Энгельс позволил себе усмешку: – Боятся...

Аттракционы, то есть не рядовые поселения Зандра, а логова бандитов, мародеров и работорговцев, осторожные гильдеры предпочитали обходить стороной, устраивая шумные ярмарки в нормальных городах, но Железная Дева была исключением. И баши Мухаммед лукавил, когда говорил, что в Деву ходит только он: ее не оставляли вниманием все торговцы этой части Зандра, потому что...

Все дело заключалось в Полуокруглом хребте, который охватывал обширный Веселый Котел с востока и мягко при-

жимал к Рогульским Утесам. Из-за Хребта в Котел не пришла чужая власть, но своих вождей, готовых противостоять падальщикам Зандра, на территории не нашлось, и потому главным здесь постепенно утвердился Скотт Баптист – главарь самой мощной банды падл. Довольно долгое время Баптист попросту «гулял», едва не спятив от вседозволенности и безнаказанности: грабил не задумываясь, насиловал всех, кого видел, отнимал, казнил... Одним словом, вел себя как заурядная падла с Зандра, однако бунты местных – хоть и жестоко подавленные – заставили Скотта призадуматься и понять, что Веселый Котел самой географией приспособлен для того, чтобы стать его вотчиной. Призадумался и одумался. Баптист превратил небольшой поселок на плато Кирпичи в хорошо укрепленный аттракцион и объявил себя единственной легитимной властью Веселого.

Что именно означает «легитимный», Скотт не знал, издаваемые законы называл понятиями, однако он дал территории главное – правила игры и хоть какую-то предсказуемость, превратил аттракцион в настоящую районную столицу и тем привлек внимание баши.

В некогда бандитскую зону потянулись бронекараваны.
– Через пять дней мы повернем на юг, в Январские Степи, пройдем по их крупным поселениям, выйдем на границу Белого Пустыря, проведем три ярмарки в его северной зоне, вернемся в Степи через Душные Камни, развернемся и снова выйдем в Веселый Котел. – Баши выдержал паузу. – Сле-

дующую ярмарку в Деве я планирую провести месяца через четыре. Не раньше.

– Зачем вы мне об этом рассказываете, дорогой друг? – тихо спросил Тредер, отворачиваясь к окну. При этом он зафиксировал правую руку в полусогнутом положении и чуть погладил, показывая, что немного нервничает.

– Тебе случалось бывать в Белом Пустыре? – вопросом на вопрос ответил Энгельс.

– Нет.

– Ты много потерял... – Баши вздохнул, припоминая... или подбирая слова. – Пустырь настолько белый, что убивает глаза, но так красив, что возникает желание сойти с ума. Особенно там, где мы будем, – на севере. Там белый цвет стал миром, вобрав в себя все его краски, всю жизнь... И ты знаешь, Хаким, иногда я специально останавливаю караван, чтобы полюбоваться Белым. Я смотрю, смотрю на него столько, сколько это возможно без защитных очков, потом надеваю их и продолжаю смотреть. Я люблюсь... Я люблюсь, Хаким, представляешь? Я! Я видел все до Времени Света и видел все после него. Я был уверен: ничто не сможет меня поразить, но Белый Пустырь ударил в самое сердце. Он прекрасен...

– И прекрасна сама возможность путешествовать, – едва слышно произнес Тредер. – Отыскивать чарующие места, которые, как ни странно, есть в унылом Зандре...

– Любоваться ими...

– И чувствовать себя человеком...

– Ты все понимаешь, – улыбнулся баши. – Ты умен и восприимчив, хотя пытаешься казаться обыкновенным.

– Благодарю, дорогой друг.

Но Мухаммед, как выяснилось, не закончил:

– Ты прекрасный врач, Хаким, ты мог бы лечить моих людей и практиковать в каждом поселении, где я ставлю ярмарку. Такие, как ты, сейчас наперечет и на вес золота.

– Все так, дорогой друг, но вы знаете мои обстоятельства, – развел руками седой. – Я услышал время, которое у меня есть, – четыре месяца. И если судьбе будет угодно вновь свести нас в Железной Деве и вы по-прежнему будете добры ко мне, я с удовольствием приму предложение и останусь путешествовать.

– Это твое слово?

– Да.

Энгельс выдержал паузу, демонстрируя, что ждал иного ответа, после чего велел:

– Помоги мне подняться. – Оперся на руку Тредера, медленно дошел до самого носа кабины и остановился у лобового окна. Теперь их разговор не мог слышать даже рулевой. – Ты хороший человек, Хаким, хороший, но глупый. Я видел много похожих на тебя людей, но все они были мертвыми. Или готовились умереть.

– Знаю, дорогой друг, – спокойно подтвердил седой. – Я не первый день в Зандре и потому подписываюсь под каж-

ДЫМ ВАШИМ СЛОВОМ.

– Я не понимаю таких, как ты, но уважаю. Вы не останавливаетесь даже перед лицом смерти.

– Я должен...

– Больше ни слова – ты только что все о себе сказал.

Они помолчали, наблюдая за медленно приближающейся колокольней – даже на знакомом плато Энгельс не позволял разгоняться быстрее сорока километров в час, – наблюдая за мотоциклами и багги разведки – несколько машин устремились к аттракциону, – за броневиками охраны – люки задраены, пулеметные стволы медленно ходят по кругу, выискивая цели, – после чего баши продолжил:

– Я знаю – бесполезно, но не могу не предупредить в последний раз: не ходи в Безнадегу, Хаким, там совсем плохо. Все аттракционы, которые ты видел до сих пор, не идут ни в какое сравнение с Безнадегой. Там нет закона, нет даже понятий, нет ничего, к чему ты привык. Ты не вернешься.

– Вы знаете мои обстоятельства, дорогой друг, – повторил седой.

– Эх...

Мухаммед пожал Тредеру руку и замолчал. Впервые за много лет, с самого Времени Света, могущественный баши хотел, очень хотел, но никак не мог повлиять на происходящее. Не мог ничего изменить...

«Камни... Камни гладкие, аккуратные, словно облизанные, и грубые обломки с рваными краями. Камни, стоящие на песке и каменной крошке, на мельчайшей гальке, способной, кажется, течь не хуже воды, и посреди сухой, суше камня, выжженной солнцем земли. Камни едва ли не всех на свете цветов: черные и коричневые, белые и красные, зеленоватые, голубые, синие, серые... А еще – чистые и обросшие пятнами медузы. Камни...

Камни – это наш нынешний мир. Камни всех размеров, песок, солнце, радиация и снова камни... А между ними – редкие зеленые зоны и еще более редкие открытые водоемы. Настолько редкие, что в их существование никто не верит, потому что вода ушла вниз, в глубокие слои, прячется, не желая течь по каменной Земле...

Настоящая вода глубоко, а та, что приходит с неба, чаще всего бывает отравлена... Хотя... Отравлена она, по древним меркам, по таблицам, которые составляли врачи до Времени Света, до того, как мир стал гребаным, а мы сожрали столько радиации, словно нам делали рентген каждые тридцать секунд жизни... Всю жизнь... Всю прошлую жизнь...

Я плохо помню прошлую жизнь, но знаю, что, по ее меркам, я отравлен. И телесно. И духовно. Я отравлен и ядовит.

Я опасен. Иногда я противен сам себе.

Но я живу.

Я знаю людей, которые скормили себе пулю, но я живу.

Отравленный. И ядовитый. Обитатель...

Я не знаю, кто первым назвал Зандр Зандром, но он не ошибся, чтоб меня на атомы разложило, он отыскал правильное слово, потому что, когда я оглядываюсь, я вижу только его – Зандр.

И когда я смотрю в себя, я снова вижу его – Зандр.

Зандр всюду.

Безжизненный. Пустой. Жестокий...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Аттракцион Железной Девы открылся, едва багги взгромоذيлся на Кирпичи по северному серпантину: недалеке, в полукилометре, а то и ближе, появилась серая башня, бывшая церковная колокольня, на маковке которой замерла бронзовая статуя. Если бы Визирь явился на плато по южной, широкой и пологой дороге, то до аттракциона пришлось бы проехать почти восемь километров, а так он сразу разглядел и знаменитую Башню центральной площади городка, и не менее знаменитую Деву на ней. Как колокольне удалось пережить Время Света и последующие за ним тектонические сдвиги: мощные землетрясения, появление Рагульских Утесов и открытие вулкана Шендеровича, – никто не понимал до сих пор. Но как-то пережила и теперь стала

визитной карточкой аттракциона, известной далеко за пределами Веселого Котла.

С севера Железная Дева вплотную подходила к обрыву плато, но из предосторожности над ним не нависала: по краю предусмотрительный Скотт Баптист выстроил оборонительную линию, и едва багги поднялся на Кирпичи, как пришлось останавливаться у мощного блокпоста, состоящего из двух бетонированных дотов. Из правой амбразуры на мир смотрел тяжелый пулемет, а из левой – огнемёт и скорострельная авиационная пушка с электрическим приводом. А за дотами, вдоль дороги, были установлены шесть классических Железных Дев, по три с каждой стороны. И судя по свежим кровавым следам вокруг первой, сейчас она не пустовала.

В этом аттракционе преступников не вешали.

И еще в этом аттракционе все знали Визиря, поскольку за него сказал сам Баптист, атаман, богдыхан и повелитель Железной Девы, милостивый король, справедливый судья и главарь банды падальщиков имени себя. Баптист Визиря жаловал – в свое время разведчик составил для него идеальные карты Веселого Котла, – и потому мелкие падлы препятствий комби не чинили.

– С разведки? – осведомился Штиль, когда Гарик выбрался из багги.

– Ага.

– С Франко-Дырок или из Ямы Доверчивости?

– С Франко-Дырок.

– И как там?

– Пусто и радиоактивно, – отделался Визирь стандартной отговоркой комби. – А у вас?

– Кровь видишь? – Штиль мотнул головой в направлении Дев. – Веномы пытались прорваться.

– Заразные?

– Здоровых пропустили бы, – слегка удивленный странным вопросом, ответил падальщик. – Мы с веномами нормально, когда они нормально, а эти дикие шли, очумелые. Я их внизу разглядел, в бинокль, вижу, что первые десять тряпками замотаны по самые гланды, и ору: «Размотайтесь, черти!» А они прут. – Бой случился недавно, эмоции еще не улеглись, и Штиль с особым удовольствием описывал Визирю проявленный героизм. – В общем, побежали они...

– Побежали? – уточнил комби.

– Ага.

– Так они пешком к Кирпичам подошли?

– Пешком, – подтвердил падла.

– То есть совсем дикие...

– Получается. – Штиль помолчал.

Веномы – жертвы жутких болезней, порожденных агрессивной химией и вырвавшимся на волю боевыми вирусами, усиленными и видоизмененными повышенным фоном, – являлись одними из самых страшных порождений Времени Света. Истории о том, как два-три разносчика «кентук-

кийской эболы» или страшного «синдрома Клинтонa» превращали в кладбища целые области, не были сказками – такое случалось. И потому в веномов предпочитали стрелять без предупреждения, их появление считалось достаточным поводом для атаки... Но постепенно ситуация поменялась. Исковерканные, но незаразные веномы стали мирными: вели оседлую жизнь, выживая так же, как все, и свободно торговали с чистыми. Опасность же исходила от веномов диких – заразных, болеющих и мечтающих утянуть в могилу как можно больше ненавистных чистых. Именно они считались бичом Зандра, его отравленной отрыжкой...

– Они орут: «Мы местные! Не стреляйте!», – а сами прут. Я им: «Стой! Суки! Докажите!», – а они прут и завывают, что местные. – Штиль потер подбородок. – В общем, мы из пулемета лупанули, они на землю попадали, меж камней укрылись, но я шуршание слышу – ползут и из огнемета врезал... Чуешь, мясом горелым воняет?

Воняло действительно изрядно. Пока разведчик ехал в багги, запах почти не ощущался, а вот на открытом воздухе вцепился плотно, и, будь комби чуть менее опытен, наверняка почувствовал бы рвотные порывы.

– Вы их горелыми в Деву запихнули?

– Веномов в Деву? – притворно изумился падальщик. – Да я к этим гадам даже за сотню радиотабл не прикоснусь! Ближко не подойду!

– Издали сожгли?

– Ага.

Рассказывая, Штиль успел проверить Визиря на радиацию, химически и биологически опасные внедрения, сделал экспресс-анализ крови и, судя по всему, остался доволен результатами. Не зря покинув Франко-Дырки, Гарик тщательно провел полный цикл обеззараживания, причем не только себе, но и багги, всему оборудованию и находкам.

– А в Железную мы их проводника посадили, – продолжил падальщик. – За то, что к нам вывел.

– Комби? – уточнил Визирь.

– Да. – Штиль знал, что Гарик заинтересуется, и ждал реакции.

– Откуда?

– Я не спрашивал.

Разведчик качнул головой, показывая, что понял и ответ, и то, почему ответ был именно таким, после чего заложил большие пальцы за портупею, помолчал и, выдержав паузу, спросил:

– Забрал его Атлас?

– Конечно.

Следующий вопрос Визирь задал небрежно, походя, однако Штиль знал, что в действительности разведчик волнуется, как девочка на первом свидании.

– Есть что-нибудь интересное?

– Не смотрел.

– Сколько?

– Дорого.

– Дорого не куплю, – тут же ответил Гарик. – Я на мели, а найти ничего путного не удалось.

– Прибедняешься. – Падальщик выпятил нижнюю губу, демонстрируя, что не верит ни единому слову комби.

– Честное слово.

– Приходи, когда разбогатеешь.

– Я не Баптист, – с улыбкой протянул Визирь. – Сто раз его спрашивал, что нужно делать, чтобы разбогатеть, но так ничего и не понял.

Толстый намек на личное знакомство с главарем банды Штиль услышал и принял к сведению:

– Чтобы разбогатеть, нужно много работать и быть умным, – наставительно сообщил он разведчику.

– Вот и Скотт так говорит.

– Баптист зря не скажет.

– Верно... – Штиль помялся. С одной стороны, ему хотелось заработать побольше, с другой – он понимал, что только разведчик даст за Атлас достаточно много. – Сколько у тебя есть?

– Бери все, что есть. – Комби нервным жестом выложил на капот багги походный контейнер с радиотаблами – не забыв мысленно похвалить себя за то, что не переложил радиоактивные элементы в свой контейнер, – и кошель с золотом. В общем, все, что выгреб из карманов мертвого егеря. – Сам видишь, я не миллионер.

– Чем же будешь платить за стол и кров? – с подозрением осведомился Штиль.

– Возьму у Заводной кредит, – махнул рукой Гарик.

– Теперь это так называется? – осклабился падла.

– Теперь это называется так же, как всегда, – строго произнес Визирь. И тут же перешел в атаку: – Мне некогда, Штиль, соглашайся на предложение или жди другого комби. Только не факт, что он окажется при деньгах.

Было видно, что громиле очень хочется поскорее расстаться с Атласом, но он боится продешевить. Тем не менее вид радиотабло и золота в конце концов заставил падальщика сдаться.

– Я возьму все, – произнес Штиль, сгребая с капота предложенное. – Но ты мне останешься должен две радиотаблы.

Предложение было более чем заманчивым, однако сразу соглашаться не имело смысла. Гарик потер подбородок, цокнул языком, осведомился:

– Я забираю Атлас?

– Да.

– Тогда договорились. – И немедленно взял протянутое падлой устройство.

– Ты мне должен, – напомнил Штиль.

– Я надеюсь хорошо поторговать на ярмарке...

Останавливаясь в каком-либо поселении... как правило, в достаточно крупном, в центре края, области или района, гильдеры отправляли по округе мобильные лавки, извлекая прибыль из тех лентяев, что так и не соберутся в город, но главное действо, естественно, разворачивалось на ярмарке.

Здесь продавали и покупали все, что имело смысл продавать и покупать в Зандре: еду и воду, оружие и боеприпасы, одежду, обувь, снаряжение, запчасти, приборы, устройства, наркотики, лекарства, топливные элементы, генераторы, машины, программы... Здесь продавали радиотаблы и расплачивались радиотаблами. Обменивались новостями и сплетнями. Пытались обмануть или обокрасть. Случалось – не доживали до конца ярмарки, случалось – уезжали с нее богачами...

– Будешь работать? – негромко поинтересовался Энгельс.

– Нет, – качнул головой Хаким. – Нужно найти проводника.

– Знаешь кого?

– Из Железной Девы на побережье ходят лишь два разведчика – Пепе Сапожник и Гарик Визирь, надеюсь, хотя бы одного из них привлекла ваша ярмарка, дорогой друг. И мне не придется ждать...

– Из Белого Пустыря тоже можно добраться до Безнадеги, – неожиданно произнес баши. – Но тебе нужны Сапожник или Визирь, потому что они знакомы с Шерифом.

– Вы умны, дорогой друг. – Тредер склонил голову.

– А ты не был со мной до конца откровенен, Хаким, – усмехнулся Энгельс.

– Не хотел погружать вас в мелкие проблемы простого обитателя Зандра, дорогой друг, – объяснил седой. – Они не стоят вашего времени, – и поправил киберпротез на правой руке. – Извините, если вы сочли мое поведение дерзостью.

– Я прожил много лет, – растягивая гласные, произнес Мухаммед, наблюдая за тем, как его разведчики проверяют подготовленную местными территорияю. Броневики уже обозначили периметр, и теперь настала очередь комби и стационарных приборов исследовательского грузовика, которые вынюхивали Зандр на много метров в глубину, выискивая заложенные мины, отравленные полости или еще какую-нибудь заразу, способную угробить ярмарку и караван. – Но ни разу за всю мою жизнь меня не посылали к черту с таким уважением.

– Ни в коем случае...

– Молчи! – Баши поднял руку, дождался тишины и вновь улыбнулся: – Ты хороший человек, Тредер. Я скажу за тебя Баптисту, так что проблем с местными не будет.

– Спасибо, дорогой друг.

– Я обещал.

Мужчины пожали друг другу руки, и Энгельс, глядя седому в глаза, произнес:

– Не сдохни, пожалуйста. Я с удовольствием возьму тебя в первую команду.

– Спасибо за пожелание удачи.

– Увидимся, – буркнул Мухаммед и отвернулся к лобовому окну, наблюдая за маневрами мегов.

Ярмарку гильдеры, как правило, ставили за городской чертой, поскольку обычные поселения Зандра большими размерами не отличались и ни одна из их площадей не могла принять не то что торговую зону, а даже пару гигантских машин бронекаравана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.